

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЭКОЛОГО - ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РЕГИОН "АЛТАЙ"

ДРЕВНОСТИ АЛТАЯ
известия лаборатории археологии №4

**г.Горно-Алтайск
1999**

Печатается по решению редакционно-издательского совета

ББК 63.4 (2 Рос=Алт)

Древности Алтая. Известия лаборатории археологии №4. Межвузовский сборник научных трудов. - Горно-Алтайск: Изд.ГАГУ, 1999 г. - 206 с.

Редакционная коллегия: В.И. СОЁНОВ (ответственный редактор)
А.В. Эбель

В.И. СОЁНОВ, составление, 1999 г. ©
Горно-Алтайский государственный университет, 1999 г. ©

ской (Рогозиха-1) и особой культурной группе, близкой каменной, но имеющей существенные отличия (Локоть-4) (см.: Руденко, 1953; Смирнов, 1975; Уманский, 1992; Шульга, 1995). Три из них (Пазырык, Рогозиха-1 и Локоть-4) ограблены, степень сохранности изделий из органики в погребениях различна, но сопоставление полученных материалов вполне допустимо.

Завершение обработки материалов рогозихинского и локтевского комплексов позволило выделить характерные черты всех четырех захоронений:

1. Из четырех могил две являлись центральными (Мечетсай, Локоть-4) и одна — боковая (Рогозиха-1);

2. Все погребения парные: в трех случаях захоранивались женщины, в одном — женщина и мужчина (Пазырык);

3. Ориентация умерших на юго-запад (Рогозиха-1, Локоть-4), юг (Мечетсай) и восток (Пазырык);

4. Во всех захоронениях заметна существенная разница в возрасте умерших. Младшие женщины с зеркалами-погремушками были погребены в возрасте 25–30 лет (Мечетсай), около 20 лет (Локоть-4, по определению С.С. Тур женщины уже перенесла роды), несколько более 40 лет (Пазырык). Второй погребенный во всех случаях был значительно старше, пожилого возраста. В Рогозихе-1, по предварительным определениям, младшей женщине было около 30 лет, возраст второго умершего, судя по наличию двух алтариков — женщины, составлял около 40 лет. С кем из них находилось зеркало — неизвестно.

В головах (как правило) младшей женщины помещались (рис. 4, 1): зеркало-погремушка (в известных случаях в Локте-4 и Рогозихе-1 лицевой стороной вниз), музыкальный струнный инструмент (Пазырык, Мечетсай и, судя по бронзовым скобкам и древесной трухе — Локоть-4), наконечники стрел остриями на юго-запад или юг (Мечетсай, Локоть-4, в Рогозихе-1 и 2 П. кургане первоначальное расположение роговых наконечников не устанавливается), каменные алтарики на ножках (Пазырык, Рогозиха-1, в Мечетсае алтарики, вероятно, заменялся изделием из панциря черепахи) и тёрочник (Мечетсай).

Второй умерший пожилого возраста также сопровождался также каменным алтариком (Рогозиха-1), скромным цельнолитым зеркалом (Мечетсай, Пазырык), панцирем черепахи (Мечетсай) или бронзовой курительницей (Пазырык). В последнем случае находящиеся в юго-западном углу каменный алтарики и первый «комплект для курения конопля» с курительницей подквадратной формы на ножках, вероятно, относился к женщине, а комплект с курительницей в форме скифского котла на поддоне — к мужчине.

5. Во Втором Пазырыкском кургане обнаружено два комплекта для курения.

6. Особенностью, по крайней мере, двух захоронений (Мечетсай, Локоть-4), является вероятность одновременного погребения умерших: через дромос в Мечетсае (Смирнов, 1975, с. 143), в кургане № 1 Локте-4 захоронение произведено в своеобразной ямке-склепе, где в отдельных ямах были совершены погребения старшей, а затем молодой женщин. Существует мнение о возможности проникновения в Пазырыкские захоронения для проведения обрядов (Савинов, 1996), а, следовательно, и для подхоронения второго человека с целью образования пары, как это установлено автором на могильнике V–IV вв. до н.э. в долине р. Сентелек в Горном Алтае (Шульга, 1997в).

Необходимо отметить, что такие черты погребального обряда как наличие насыпи, многомогильность (Мечетсай, Рогозиха-1, Локоть-4), южная или юго-западная ориентация, положение умерших вытянуто на спине являются общими чертами погребального обряда прохоровской и каменной культур, локтевского могильника и не могут считаться отличительной особенностью захоронений с зеркалами-погремушками. Погребальный обряд и набор инвентаря в них в основном характерен для той или иной из отмеченных археологических культур, что не позволя-

Шульга П.И.
(г. Барнаул)

ЖРЕЧЕСКИЕ ПАРНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ С ЗЕРКАЛАМИ ПОГРЕМУШКАМИ (к постановке проблемы)

В настоящее время известно четыре захоронения с зеркалами-погремушками: одно в Южном Приуралье (Мечетсайский могильник), два в равнинной части Алтайского края (могильники Рогозиха-1, Локоть-4) и одно — в Горном Алтае (Второй Пазырыкский курган — далее 2 П. курган) (рис. 1, 1; рис. 3). Все они относятся к разным археологическим культурам: пазырыкской (2 П. курган), прохоровской (Мечетсай), камен-

ет считать рассматриваемые захоронения инородными включениями.

Время совершения захоронений с зеркалами-погремушками для Мечетсая и 2 П. кургана определяется сер. V–IV вв. до н.э. (Смирнов, 1968, с. 117; Мошкова, 1974, с. 27; Руденко, 1960, с. 336; Кузнецова, 1995, с. 127). Рогозихинские и локтевские материалы позволяют датировать курган № 1 из Локтя-4 концом VI–V вв. до н.э. (см. рис. 1, 90; рис. 2), а курган № 5 из Рогози-1 — 2 пол. V вв. до н.э. Таким образом, наиболее ранним является локтевское захоронение, затем следуют: 2 П. курган, Рогози-1 и Мечетсай⁶.

Социальный статус погребённых с зеркалами-погремушками определяется по-разному. Значительная часть исследователей рассматривает эти и подобные захоронения как жреческие (см.: Смирнов, 1968; Могильников, 1997, с. 90; и др.). Т.М. Кузнецова, подвергая сомнению положение о зеркале как «жреческом атрибуте», определила женщин из Мечетсая и 2 П. кургана «музыкантшами» и «танцовщицами» или рабынями-музыкантшами, которых покупали в восточных государствах или получали в качестве подарков (Кузнецова, 1994, с. 86; Она же, 1995, с. 126). При этом Т.М. Кузнецова придаёт большое значение музыкантши-зеркал-погремушек и наличию струнного инструмента с младшей женщиной. В умершей из 2 П. кургана С.И. Руденко видел музыкантшу и наложницу вождя (Руденко, 1953, с. 143). В.Ю. Зуев в хорошо обоснованном опровержении «научного мифа о «савроматских жрицах» называет комплекты зеркал и алтариков «косметическими наборами» знатных женщин (Зуев, 1989, с. 136), принадлежавших к асадничеству (Зуев, 1996, с. 61). Л.С. Марсадолов считал зеркала-погремушки импортом или военной добычей (Марсадолов, 1996, с. 72). В.А. Могильников рассматривал женщину из 2 П. кургана как жрицу и вместе с тем жёну или наложницу — полонянку знатного происхождения из приалтайских степей (Могильников, 1997, с. 90). Автор также характеризовал женщин из Мечетсая, Рогози-1, Локтя-4 и 2 П. кургана жрицами, связанными с проповеднической деятельностью пока не определённых, находившихся в Бактрии или прилегающих районах, религиозных общин (Шульга, 1997б).

Опуская анализ жреческих атрибутов, остановимся на некоторых аспектах, касающихся зеркал-погремушек. По мнению многих исследователей, зеркало становится у кочевников предметом культа уже в раннескифское время (Вишневская, 1973, с. 85; Кузнецова, 1991, с. 21; Итина, Яблонский, с. 43; и др.) и сохраняет это значение вплоть до этнографического времени, являясь атрибутом шаманов (Кузьмина, 1977, с. 91–92; Банников, Кузнецова, 1998; и др.). В отношении к рассматриваемому кругу памятников кургане Иссык, позолоченный упрощённый вариант зеркала-погремушки с циркульным орнаментом, по мнению А.К. Акишева, являлся атрибутом «золотого человека», имел сакральный характер и использовался в ритуалах (Акишев, 1984, с. 94). Культурный характер зеркал-погремушек и, по-видимому, их упрощённых вариантов подтверждают наблюдения о боязни древних грабителей (осквернителей?) похитить или даже прикоснуться к сияющим позолотой или серебром массивным дискам (позднее, при ограблениях, совершаемых представителями этносов, не знакомых с верованиями умерших, таких исключений не делали). Проникавшие в захоронения люди забирали золотые и бронзовые вещи, срывали золотую и оловянную фольгу, разбрасывали кости умерших, рубили на части мумии жрецов, смещали и разбивали алтарики и сосуды, а зеркала при этом оставались на месте. Так, женская сума из 2 П. кургана с серебряным зеркалом-погремушкой, очевидно, даже не открывалась и продолжала лежать после разграбления колоды в её восточной части. По-видимому, магическая сила зеркала была несоизмеримо большей, нежели иных атрибутов, останков жрецов. С этим согласуется и положение зеркала лицевой стороной вниз (вспомним обычай завешивать зеркала при покойнике, которые, по-

видимому, могли быть одинаково опасны как для живых, так и для мёртвых, см.: Даль, 1978, т. 1, с. 680–681; и др.). Очевидно, грабителей не страшила месть умерших или их божеств. Надо полагать, зеркала-погремушки осмысливались современниками как некая самостоятельная сущность, способная захватить и «удержать» душу и жизненную силу отражающихся в них людей» (Бидерманн, 1996, с. 95).

Культовая значимость зеркал-погремушек выразилась в многочисленных упрощённых вариантах и подражаниях (зеркала с циркульным орнаментом и, зачастую, с углублениями по центру конуса для установки инструмента), находимых также в женских погребениях в комплексе с алтариками и использовавшихся на Алтае и в Южном Приуралье на протяжении ещё нескольких столетий (Смирнов, 1968, с. 121; Могильников, Уманский, 1995; и др.). Как видим, принятый большинством исследователей взгляд на умерших женщин с зеркалами и алтариками как на служителей культа подтверждается особенностями нахождения зеркал-погремушек, их влиянием на последующую форму и орнаментацию зеркал.

Несомненный интерес вызывает сопоставление парных погребений (рис. 4,1) с известными, в том числе парными изображениями жриц и жрецов (рис. 4,4,5 (?), 6–8; Руденко, 1953, с. 348–350), сцен на тыльных сторонах зеркал-погремушек (рис. 3,2–4; рис. 4,2,3) и изучение вопроса об их возможном происхождении и контактах.

К.Ф. Смирнов предположил, что «женские фигуры, изображённые на зеркале, могли восприниматься как жрицы культов солнца и плодородия, служительницами которых, возможно, были обе погребённые вооружённые сарматки» (Смирнов, 1968, с. 121). Мысль о возможной связи умерших и существ, изображённых на зеркалах, может получить дальнейшее развитие. Погребённые женщины, на наш взгляд, буквально воспроизводят сцену совершения обряда поклонения божеству, осуществляемого старшей жрицей и её помощницей (сравнить рис. 4,1 и рис. 4,2,3). Эту сцену мы видим и на переднеазиатской ткани из Пятого Пазырыкского кургана (рис. 4,4; Руденко, 1953, рис. 190, с. 348–350). Создаётся впечатление о ритуальном характере обряда погребения в Мечетсая, Рогози-1, Локте-4 и 2 П. кургане, суть его, возможно, заключалась в продолжении данного обряда в мире ином, посредством чего общество получало поддержку потусторонних сил. Участие в этом обряде помощницы с зеркалом-погремушкой и струнным инструментом, быть может, предполагало её умерщвление ко времени похорон старшей жрицы (жреца) (или несколько позже) и последующее похоронение. Очевидно, на зеркалах из Мечетсая и Локтя-4 показаны старшие жрицы (рис. 3,3,4), что устанавливается благодаря зеркалу из Рогози-1, где мастер в соответствующем размере в левой и правой нижней частях изобразил две пары «больших» жриц с их «маленькими» помощницами (рис. 3,4; рис. 4,2,3). Помимо меньших размеров, помощницы отличаются простотой платья и, судя по правому изображению, отсутствием пышного головного убора (рис. 4,3). Стилистика изображений на зеркалах совершенно иная, нежели на ткани и на других образцах переднеазиатского искусства VI–IV вв. до н.э., на изделиях из Амударьинского клада (рис. 4,6–8). Вероятно, перед нами картина совершения обряда, чрезвычайно широко распространённого в Передней Азии (см.: Руденко, 1953, с. 348–350), Индии, Средней Азии и кочевом мире. Востребованность кочевниками зеркал-погремушек и их упрощённых вариантов, существование особого погребального обряда на территории Алтая и Южного Приуралья, указывает на близкое содержание рассматриваемых сцен с двумя священнослужителями.

Большое значение имеет привлечение материалов из мерзлотного 2 П. кургана, определяемого многими как жреческое (шаманское) погребение (Сорокин, 1978, с. 184–185; Зуев, 1992; см.: Кузьмин, 1989; Черемисин, Запороженко, 1996; и др.). В литературе

неоднократно отмечалось большое количество переднеазиатских изделий во 2 П. кургане, связываемое с импортом и вероятным участием погребённого здесь скальпированного вождя в далёких южных походах (см.: Марсадолов, 1996, с. 72; Шульга, 1997б). Женщину в чрезвычайно богатых и сложных в изготовлении одеждах, сопровождаемую целым комплексом характерных изделий и украшений (петухи и лотосы на керамике местного изготовления и др.) к «импорту», экзотичной рабыне или военной добыче отнести нельзя. Анализ особенностей её костюма, вещей и орнаментов однозначно указывает на сложение этого комплекса где-то на юге Средней Азии. Сопоставление образцов изобразительного искусства из 1 и 2 П. курганов с другими курганами Пазырыкской группы, Горного Алтая и Казахстана привело автора к выводу, что в захоронениях пазырыкской знати представлено искусство более обширной территории, захватывающей предальтайскую равнину, Семиречье и Восточный Туркестан. Некоторые из вычленившихся изобразительных стилей и сюжеты в Горном Алтае не были распространены и известны, как правило, на импортных изделиях. Рассмотрим лишь изображения петуха и лотоса, традиционно считаемых «популярными образами в искусстве Алтая».

Почти все изображения петухов на Алтае происходят из 1 и 2 П. курганов, а сложные стилизованные композиции известны только на обуви, верхней одежде и нагруднике женщины из 2 П. кургана, что отмечалось ранее (Руденко, 1960, с. 261). Из материалов, полученных за последние сорок лет автору известны достоверные изображения петуха лишь из исследованного В.Д. Кубаревым могильника Балык-Сок VI–IV вв. до н.э., оставленного, вероятно, инкультурным населением (*Древние курганы Алтая*, 1998, фото 116). Птицу из Уландрыка и грифонов с Укока (Кубарев, 1987, с. 85; Кубарев, Черемисин, 1984, рис. 4,10; Полосьмак, 1994а, рис. 51–53, с. 49) можно отнести к алтайскому варианту синкретичного существа, совмещающего черты грифона и феникса, среднеазиатское изображение которого имеется на войлочном ковре из 5 П. кургана (Полосьмак, 1994а, рис. 116,1; Степная полоса..., 1992, цв. вклейка между с. 176–177; Руденко, 1953, табл. XC).

Не выявлено за последние десятилетия и сложных изображений лотоса, которые, как отмечал С.И. Руденко, имелись лишь в 1 и 2 П. курганах (Руденко, 1960, с. 256). Редкой находкой являются даже простейшие бутоны (сложные пальметки) или их своеобразная модификация в виде грифона (см.: Полосьмак, 1994а, рис. 63, рис. 65, с. 54, рис. 61 и др.). Изображение простого бутона (пальметки), сопоставимое с образцами из 1 и 2 П. курганов, найдено на плоскогорье Укок в кургане 1 могильника Ак-Алаха 3 (ср.: Руденко, 1953, табл. XXXI и др. и Полосьмак, 1994б, рис. 4). Небезынтересно отметить, что погребённая в нём женщина определена как жрица, служительница культа (Полосьмак, 1994б, с. 9), на мумифицированном теле которой сохранилась татуировка, подобная обнаруженной у вождя из 2 П. кургана. Там же были найдены покрывало, украшенное аппликациями из золотой фольги, серебряное зеркало и каменное блюдо с семенами кориандра — комплекс, имеющий аналогии с погребением у Каракольской МТС, с характерными сакскими чертами (см.: Руденко, 1960, с. 16–18).

Итак, сложные изображения лотоса и петухов не характерны для искусства Горного Алтая. Они найдены практически только в захоронениях родственников (?) из 1 и 2 П. курганов, видимо бывавших, а, быть может, и длительное время живших в областях к югу от Алтая, откуда были пригнаны высокопородные лошади (см.: Марсадолов, 1984, с. 92–93) с седлами степного типа (Руденко, 1960, с. 228). К одежде и украшениям женщины из 2 П. кургана принадлежали индийский бисер (Галибин, 1993, табл. 1), чрезвычайно сложные для сверления кристаллы пирита, сердоликовая бусина, серьга и другие импортные изделия,

возможно — конь с лотосными украшениями сбруи (Руденко, 1953, табл. С, 2,3). К ней относятся остатки двух (?) войлочных ковров, украшенный фигурками петухов и ромбами головной убор, верхняя одежда с узкими рукавами типа кандис и нагрудник, покрытые аппликациями из кожи в виде сложных композиций из стилизованных петушиных гребней, лотоса и головок хищной птицы, выполненных в стиле, на Алтае и в Средней Азии не известном (Руденко, 1953, рис. 67, табл. XCIV, 1, LXXXIX, 3, XCIII, 2, XCII, 1 и др.). Опуская анализ этих орнаментов (позволяющих выделить несколько изобразительных стилей) обратим внимание на составленные из двух пар лотосов две зеркальные антропоморфные личины на подошвах более простой пары женской обуви (рис. 4,11). Здесь сочетаются черты вырезанных из кожи «человеческих голов» — подвесок из 1 П. кургана (рис. 4,9,10; Руденко, 1953, табл. LXXX,6,7), представляющих собой «лицо» сфинкса из 5 П. кургана анфас (Руденко, 1960, рис. 152 а,б,д). Голова существа на подошве оформлена в виде лотоса, ниже расположены ромбические глаза, крупные звериные ноздри и рот (см.: головы львов, рис. 4,12; Руденко, 1953, рис. 20, рис. 164), ещё ниже — борода или грива льва, боковые завитки на уровне ноздрей близки оформлению бороды у деревянных подвесок из того же кургана (рис. 4,13; Руденко, 1953, табл. XLIV; Он же, 1960, рис. 152 в,г). Нет сомнений, что на ковре из 5 П. кургана, подвесках из 1 П. кургана (рис. 4,9,10,13), подошвах обуви женщины (рис. 4,11) и в Амударьинском кладе (рис. 4,14) мы видим одно и то же существо, определенное С.И. Руденко как «полулев-получеловек» (Руденко, 1953, с. 320). В данной работе идентификация стилизованной личины на подошве позволяет более точно определить круг образов (божеств?), почитаемых создателями одежды жрицы из 2 П. кургана и связанных с проводимыми ею обрядами.

По-видимому, органичное сочетание, сплав всех вышерассмотренных элементов произошёл не на Алтае, а значительно южнее, на юге Средней Азии или даже в Бактрии. Восстанавливается образ женщины европеоидного типа с чёрными волнистыми волосами, пользующейся импортными изделиями, наряженной в изготовленный далеко на юге костюм, с гривной на шее и браслетами на ногах и правой руке (Руденко, 1953, с. 66, с. 50). Последнее совершенно не свойственно для Алтая, но имеет аналогии в Мечетсае, на зеркалах-погремушках, на изображениях жриц из Амударьинского клада и на ткани из 5 П. кургана, в том числе и у «богини» (рис. 4,2–6). Одежды пазырыкской женщины нельзя назвать «индийскими». Наиболее близки инкультурному комплексу из 2 П. кургана образы в Амударьинском кладе (изображения жриц и жрецов не в «индийской», а переднеазиатской манере; уточки; грифоны и животные с характерной скобой, точкой и запятой; «сфинксы» и антропоморфные личины и др.). По мнению ряда исследователей, вещи из Амударьинского клада и кургана Иссык бактрийского происхождения, где в I тыс. до н.э. находился мощный центр златоделания (см.: Кузьмина, 1977, с. 75, 89; Матющенко, Татаурова, 1997, с. 101). Часть из них датируется V–IV вв. до н.э., т.е. синхронна пазырыкскому и другим захоронениям с зеркалами-погремушками С этим регионом, очевидно, связано и происхождение жрицы из 2 П. кургана.

Появление зеркал-погремушек в среде кочевников можно отнести к концу VI–V вв. до н.э. Несмотря на отсутствие данных о месте их производства, «восточное» происхождение зеркал не вызывает сомнений (Смирнов, 1968; Литвинский, 1978, с. 84–85; Уманский, 1992; Кузнецова, 1994; Она же, 1995; Могильников, Уманский, 1995; Могильников, 1997, с. 83; Шульга, 1997б; и др.). Вполне вероятно, они изготавливались в Бактрии, а, быть может, в Индии или примыкающих к ней районах. Проникновение зеркал-погремушек и их упрощённых вариантов автор связывает с предполагаемым всплеском проповеднической деятельности из Бактрии или северо-западных районов Индии после

включения этого региона и южной части сако-массагетских племён в состав Персидского государства в конце VI в. до н.э. (Шульга, 1997б).

О назначении отправляемых жрицами обрядов и содержании этого религиозного течения можно лишь строить предположения. Большинство исследователей отмечают у скифов и саков индоиранские верования и вытекающие из них культ солнца и плодородия, культ огня и солнца (Смирнов, 1968; Он же, 1975) или культ Митры (Акишев, 1978; и др.). Конкретизация особенностей этих верований с опорой на археологические материалы — дело будущего. Так, выделение «саяно-алтайской» системы религиозных представлений как синтеза шаманизма, северного варианта буддизма и восточного варианта зороастризма (Боковенко, 1996), пожалуй, допустимо относительно огромной территории — Центральной Азии. Перенос данного положения на конкретные археологические культуры, например, пазырыкскую (Тишкин, Дашковский, 1998, с. 586) представляется неоправданным. Видимо, следует согласиться с мнением, что для религии саков были «чужды» черты более позднего зороастризма (Кузьмина, 1977, с. 84). Но у нас нет оснований полностью отрицать распространение в кочевой среде каких-то смешанных вариантов, где бы были представлены характерные для зороастризма идеи и обряды. Предполагать распространение в скифское время на рассматриваемой территории основанного Шакьямуни в конце VI — первой пол. V в. до н.э. буддизма мы также не можем: нет сведений о широкой проповеднической деятельности Будды и его учеников на Севере; доступ женщин к учению на первом этапе был ограничен, что не согласуется с нашими представлениями о положении женщины в кочевом обществе; буддизм в это время едва ли мог быть привлекателен для военизированного общества кочевников и т.д.

Хотелось бы надеяться, что новые материалы, связанные с находками зеркал-погремушек, помогут продвинуться в решении этой проблемы. По мнению автора, зеркала с религиозно-символическими сценами (рис. 3,2–4), а также их упрощенные варианты с циркульным орнаментом, центральным конусом и валиком, иллюстрируют существовавшие в Индии, Бактрии, Иране и скифо-сакском мире близкие представления о расположенной на севере у золотой вершины Мандары или Хукайры (горы Меру, Хара Бэрзайти, Рипы, Рипеи) блаженной обители богов, мудрецов и величайших героев (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983). Этот тип зеркал является моделью центра Вселенной ариев с конусом посередине (золотая Мандара) и внешнем гранчатом валиком (круговой хребет Меру), окруженным по периметру солярными значками (вращающиеся в исполнении обряда солнце и звезды). С этим перекликаются работы Д. А. Мачинского, помещающего сакральный центр индоевропейцев и индоиранцев в Минусинскую котловину и на Алтай, отметившего сходство реконструируемой прародины ариев и раннескифских зеркал с бортиком (Мачинский, 1996, рис. I и III; Он же, 1997). Антропоморфные существа в виде женщин, которые не были земными людьми, как животные и растения, по-видимому, являются обителями этой страны, символами, а не реальными жрицами. Несомненно, перед нами закодированная информация, одним из ключей к которой, вероятно, являются нанесённые пуансоном солярные значки, определённые как маркеры небожителей (Уманский, 1992, с. 57). Быть может они как-то связаны со «звуковыми шариками» на росписях I тыс. до н.э. в пещерах Центральной Индии (Neumaier, E., 1997, p. 56), также помещавшихся у поющего (?) человека. После завершения прорисовки изображений на плохо сохранившемся локтерском зеркале и сопоставления их с рогозихинскими, стала очевидна приуроченность солярных значков к определённым частям тела существ. Все они имеют по одному знаку у рта («женщины»), морды (антилопы, слон) и клюва (птица). Второй значок обычно помещался между ног (у женщин и слона) или у хвоста (антилопы) и, возможно,

относится к анальному отверстию или половым органам. Нельзя исключить связь с энергетическими центрами. Каждое существо сопровождается определённым количеством значков, иногда усиленных цветком лотоса (?) или листом растения. Имеется зональная приуроченность значков и т.д. Допускается вероятность числовых комбинаций в солярных значках по окружности, для чего на рис. 3,3,4 указаны места заклёпок, число которых — 3 (Мечетсай) и 7 (2 П. курган, Рогозиха-1, Локоть-4) безусловно символически. Подобные значки, видимо, были и на мечетсайском зеркале.

Вполне вероятно, значение фиксируемого нами обряда, помогут установить дошедшие до нас сведения о ежегодно совершаемом поклонении гиперборейских дев (в одном случае упоминаются две девицы: Мачинский, 1997, с. 267) Артемиде и Аполлону на острове Делос, куда они приносили «начатки плодов» из страны гипербореев, являвшейся сакральным центром индоевропейцев, индоиранцев, жрецов кочевых обществ (по верованиям древних индийцев и иранцев — страна блаженных), локализуемой в Хакаско-Минусинской котловине, а с VI в. до н.э. — на Алтае (Мачинский, 1997). Путь гипербореев на остров Делос, по Д. А. Мачинскому, совпадает с путём жрецов Аполлона из Дельфы и Дадим (Малая Азия), направлявшихся в обратном направлении — к гиперборейцам¹ (Мачинский, 1997, с. 279–280; Кузнецова, 1991, с. 96–97), через Причерноморье по степному поясу. О пути в страну блаженных (по греческой традиции гипербореев) говорится в Авесте. Но вместо «начатков плодов», доставляемых из страны блаженных, в Авесте движение происходит в обратном направлении — в страну блаженных препровождаются души умерших. И здесь мы видим божественную, прекрасную деву, «низвергающую зловредные души дурных людей во тьму; души же людей чистых её властью переходят по ту сторону недостижимых гор Хара Бэрзайти. Эта дева проводит праведников через мост Чинвад, приобщая их к сонмам небесных язатов» (Видевтад: 19,30; Авеста, 1997, с. 124). По существу, священные тексты древних греков и иранцев говорят об одном и том же: связь между миром людей и страной блаженных (гипербореев) осуществляется через дев, в обоих случаях дающих жизнь: растениям на земле или человеку — в мире ином.

Если исходить из существования реальной основы данных преданий, то предположение о первоначальном нахождении святилища Аполлона и Артемиды в Малой Азии (Мачинский, 1997, с. 269) скорее указывает на существование и другого пути в страну гипербореев — через Переднюю Азию и казахстанские степи. В отличие от гипотетической «дороги» мимо Уральских гор, путь между Алтаем и Передней Азией хорошо фиксируется уже с VIII в. до н.э. по массовому поступлению на Алтай и в Туву украшений из золота, тканей, зеркал с бортиком и др. в ходе обмена (торговли) и в результате перемещения населения с юга на север². С VI в. до н.э. связи Алтая и Передней Азии становятся ещё более тесными, чему иллюстрацией служат и вышеприведённые материалы по зеркалам-погремушкам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробное описание и датировка мечетсайского и локтерского захоронений даны в выходящей из печати совместной статье А. П. Уманского и И. И. Шульги.

² Указание о центральном положении этой могилы (Шульга, 1997б, с. 145) ошибочно, однако необходимо учитывать независимость её ориентации от центральной и наличие под насыпью кургана № 5 только двух могил.

³ Обнаруженные в Пазырыкских курганах роговые «барабаны» как музыкальные инструменты (Руденко, 1953, с. 52; Савинов, 1996, с. 110), по-видимому, не использовались. Находки на Юстыде и плато Укок (Кубарев, 1991, с. 68; Древние курганы Алтая, 1998, фото 87 на с. 56; Подосымак, 1994а, с. 25; и др. см.: Черемисин, Запорожченко, 1996).

с 31) и исследования автора, обнаружившего в Сентелеке (Горный Алтай) их керамические имитации, позволяют видеть в «барабанах» пока лишь роговые сосуды (Шульга, 1997а, с. 74–75).

Бронзовые двухлопастные втульчатые наконечники стрел, лежащие рядом с зеркалом-погремушкой (рис. 2,1), во время погребения (конец VI — I пол. V вв. до н.э.) были явно архаичными и использовались в качестве культовых предметов или как часть головного убора, как это имело место в кургане Иссык (Акишев, 1978, с. 26, илл.31, табл. 7).

Предположение о повседневной практике курения конопля (Руденко, 1953, с. 77, 334) не подтверждается материалами сотен позднейших исследованных курганов. Правоммерно полагать, что эти комплекты, использовавшиеся, по Геродоту, в ходе обряда очищения после похорон (Геродот, IV, 75; Руденко, 1953, с. 333–334), являются принадлежностью служителей культа (см.: Зуев, 1989, с. 134; Матюшенко, Татаурова, 1997, с. 87; и др.).

Учитывая некоторые расхождения при датировании приуральских и алтайских материалов (последние, быть может, несколько удревняются, см.: Могильников, 1997, с. 89), а также существенное «омоложение» рядом исследователей Пазырыкской группы курганов до конца IV–III вв. до н.э. (Чугунов, 1993, с. 169; Членова, 1996, с. 314) и вероятность длительного использования рогозихинского и локтевского зеркал (последнее использовалось и после утраты ручки при помощи пробитого отверстия для подвешивания (рис. 4,3), автор считает возможным придерживаться устоявшихся датировок (Руденко, 1960, с. 336; Марсадолов, 1995; Он же, 1996, с. 51).

Отметим, что такая позиция не всегда означает отрицание существования жриц и жречества вообще. Например, В.Ю. Зуев предполагает в женщине из Второго Пазырыкского кургана с зеркалом и каменным алтариком «жрицу Великой Богини» (Зуев, 1992, с. 132).

Антропологический тип молодой женщины из Локтя-4, по определению С.С. Тур, европеоидный, среднеазиатского происхождения, характерен для саков Тянь-Шаня и Казахстана.

Изучение формы зеркал-погремушек, технологии их изготовления, состава металла и изображений не позволяет принять мнение о создании этих зеркал в одной мастерской и одним мастером (Кузнецова, 1995, с. 126). Есть основание считать, что ранние импортные зеркала с циркульным орнаментом появляются уже во время бытования зеркал-погремушек в конце V в. до н.э. Это еще более расширяет круг производителей зеркал-погремушек, их упрощенных вариантов и подражаний.

На рис. 4,4 представлена уточненная прорисовка рогозихинского зеркала, выполненная автором по оригиналу и качественным фотографиям. Подробное описание зеркал дано в упомянутой статье А.П. Уманского и автора.

По мнению Т.М. Кузнецовой, этот путь отмечен распространением греческих зеркал-фиал, связанных с культом Аполлона и оседавших на «священных путях» (Кузнецова, 1991, с. 96–97).

Предположение о существовании сакрального центра в Минусинской котловине могло бы объяснить появление здесь большого количества «случайных находок» бронзовых предметов раннескифской упряжи, зачастую имеющих аналогии только в Передней Азии и в других отдаленных областях (см.: Членова, 1967, с. 214 и др.). Отсутствие предметов упряжи в минусинских захоронениях раннескифского времени всегда вызывало недоумение. Отсюда и не получающее подтверждения предположение о происхождении «случайных находок» из легко разрушаемых погребений на поверхности почвы (Руденко, 1960, с. 313; и др.). По этому поводу М.К. Кадырбаев заметил, что мы не знаем каким путем и когда двукольчатые удила попали в Минусинскую котловину (Кадырбаев, 1968, с. 30). В связи с такой постановкой вопроса представляет интерес концентрация на Алтае трех из четырех известных зеркал-погремушек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авеста в русских переводах (1861–1996). СПб., 1997. 480 с.
2. Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978. С. 132.
3. Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984. 176 с.
4. Банников К.А., Кузнецова Е.А. О смысловых значениях шаманских зеркал: проблемы теоретического осмысления культовых артефактов // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. 2. Новосибирск. 1998. С. 51–55.
5. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996. 335 с.
6. Боковенко Н.А. Проблема реконструкции религиозных систем кочевников Центральной Азии в скифскую эпоху // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 39–42.
7. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. М., 1983. 208 с.
8. Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э.: (по материалам Уйгарака). М., 1973. 160 с.
9. Галибин В.А. Находки индийских стеклянных бус в погребениях Сибири и Средней Азии // Археологические Вести. № 2. СПб., 1993. С. 66–71.
10. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1978. 699 с.
11. Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории Геродота». М., 1982. 456 с.
12. Древние курганы Алтая. Горно-Алтайск, 1998. 109 с.
13. Зуев В.Ю. Ритуал очищения у скифов и массагетов в аспекте проблемы культурно-исторического единства евразийской Скифии VII–V вв. до н.э. // Маргулановские чтения. Алма-Ата, 1989. С. 132–137.
14. Зуев В.Ю. Исповедимые пути божественного всадника (по материалам ковровых полотен и погребального обряда в Пазырыке) // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992. С. 131–134.
15. Зуев В.Ю. Научный миф о «савроматских жрицах» // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 54–68.
16. Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997. 187 с., илл.
17. Кадырбаев М.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии ранне-железного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 21–36.
18. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.
19. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 190 с.
20. Кубарев В.Д., Черемисин Д.В. Образ птицы в искусстве ранних кочевников Алтая // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984. С. 86–100.
21. Кузнецова Т.М. Этюды по скифской истории. М., 1991. 150 с.
22. Кузнецова Т.М. Восточные музыкальные зеркала // Петербургский археологический вестник. № 7. СПб., 1994. С. 82–87.
23. Кузнецова Т.М. Три восточных зеркала // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. 2. Барнаул, 1995. С. 124–128.
24. Кузьмин Н.Ю. Военно-политические события и высшая власть ранних кочевников Саяно-Алтая (опыт реконструкции) // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Ч. 1. Кемерово, 1989. С. 23–27.

25. Кузьмин Н.Ю. Генезис саяно-алтайского шаманизма по археологическим источникам // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992. С. 125–130.
26. Кузьмина Е.Е. В стране Кавата и Афрасиаба. М., 1977. 144 с.
27. Лелеков Л.А. О символизме погребальных облачений («золотые люди» с.и.фо-сакского мира) // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск, 1987. С. 25–31.
28. Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978. 216 с. ил.
29. Марсадолов Л.С. О последовательности сооружения пяти больших курганов в Пазырыке на Алтае // АСГЭ. Вып. 25. 1984. С. 90–98.
30. Марсадолов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н.э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 16 с.
31. Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб., 1996. 100 с.
32. Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидорова в Омском Прииртышье. Новосибирск, 1997. 198 с.
33. Мачинский Д.А. Земля аримаспов в античной традиции и «простор ариев» в Авесте // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 3–14.
34. Мачинский Д.А. Уникальный сакральный центр III — середины I тыс. до н.э. в Хакасско-Минусинской котловине // Окуневский сборник. Культура, искусство, антропология. СПб., 1997. С. 265–287.
35. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 196 с.
36. Могильников В.А., Уманский А.П. Два зеркала из Новотроицких курганов // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995. С. 19–31.
37. Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974. 52 с.
38. Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (ак-лахинские курганы). Новосибирск, 1994а. 125 с.
39. Полосьмак Н.В. Погребение знатной пазырыкской женщины на плато Укок (предварительное сообщение) // Алтаика. № 4. Новосибирск, 1994б. С. 3–10.
40. Руденко С.И. Второй пазырыкский курган. Л., 1948. 64 с., ил.
41. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953. 402 с., табл.
42. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960. 359 с., табл.
43. Савинов Д.Г. Об обряде погребения Больших Пазырыкских курганов // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 107–111.
44. Смирнов К.Ф. Бронзовое зеркало из Мечетсай // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 116–121.
45. Смирнов К.Ф. Сарматы на Илике. М., 1975. 176 с.
46. Смирнов К.Ф. Сарматы — огнепоклонники // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 155–159.
47. Сорокин С.С. Отражение мировоззрения ранних кочевников Азии в памятниках материальной культуры // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 172–191.
48. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. М., 1992. 493 с.
49. Уманский А.П. Рогозихинские курганы по раскопкам Барнаульского пединститута в 1985 году // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 51–59. Рис. на с. 186–194.
50. Черемисин Д.В., Запороженко А.В. «Пазырыкский шаманизм»: артефакты и интерпретации // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 30–31.
51. Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 299 с.
52. Членова Н.Л. Хронология опорных памятников скифской эпохи // История, археология, культурная антропология и этнография. М., 1996. С. 313–318.
53. Чугунов В.К. Датировка Больших Пазырыкских курганов — новый виток старой дискуссии // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. 1. Барнаул, 1993. С. 167–169.
54. Шульга П.И. Поселение Куротинский Лог-1 // Известия лаборатории археологии. Вып. № 2 Горно-Алтайск, 1997а. С. 73–84.
55. Шульга П.И. «Индийские» зеркала и женщины-жрицы на Алтае // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997б. С. 144–148.
56. Шульга П.И. Погребальные конструкции скифского времени в долине р. Сентелек // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. VII. Барнаул, 1997в. С. 136–139.
57. Шульга П.И. О происхождении и раннем этапе развития пазырыкской культуры // Сибирь в панораме тысячелетий (материалы международного симпозиума). Т. 1. Новосибирск, 1998г. С. 702–712.
58. Neumayer E. Bodies in Motion // Archaeology. January/February, 1997, p.56–57.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ К СТАТЬЕ ШУЛЬГИ П.И.

- Рис. 1. 1 — карта расположения зеркал-погремушек на Алтае (1 — Второй Пазырыкский курган, 2 — Рогозиха-1, 3 — Локоть-4); 2 — могильник Локоть-4, курган 1; 3 — разрез могилы 4; 4 — погребение 4а; 5–12 — инвентарь из могилы 1. Золото — 10–12, железо — 5, рог — 6–9, стекло — 11.
- Рис. 2. Могильник Локоть-4, курган 1. Находки из могил 4 (1–21) и 3 (22). Погребение 4а — 1, 4, 5, 11–13, 18, 19, 21, погребение 4б — 2, 3, 10, 14–17, 20. 1 — наконечник стрелы, 2 — обломок ножа, фрагмент аппликации из фольги, 4 — оплетенная золотой проволокой бусина, 5 — сферические нашивные бляшки, 6 — подвеска серьги, 7, 8 — фрагменты заколки (?), 9 — заколка со снятым навершием, 10 — фрагмент заколки с навершием, 11–13 — скобки, 14–19 — бусы, 20, 21 — кувшины, 22, 23 — кринки; бронза — 1, 11–13, золото — 3, 5, 14, золото, железо — 9, 10, золото, камень — 4, серебро — 6, 17, железо — 2, 7, 8, паста — 15, 16, 18, 19, керамика — 20–23.
- Рис. 3. Зеркала-погремушки. 1 — Второй Пазырыкский курган (по Кузнецовой Т.Н., 1995); 2 — Мечетсайский могильник, к. 8, погр. 5 (по Смирнову К.Ф., 1975); 3 — могильник Локоть-4, к. 1, мог. 4; 4 — могильник Рогозиха-1, к. 5, мог. 1. Позолоченная бронза — 3, 4, серебро — 1, бронза — 2.
- Рис. 4. 1 — Мечетсай, к. 8, погр. 5. молодая женщина (1 — зеркало-погремушка, 2 — стрелы, 3 — струнный инструмент, 4 — изделие из панциря черепахи), пожилая женщина (1 — зеркало, 2 — колчан, 3 — панцирь черепахи); 2, 3 — Рогозиха-1; 4, 5 — 5 П. курган; 6–8, 14 — Амударьинский клад; 9, 10, 12, 13 — 1 П. курган; 11 — 2 П. курган.

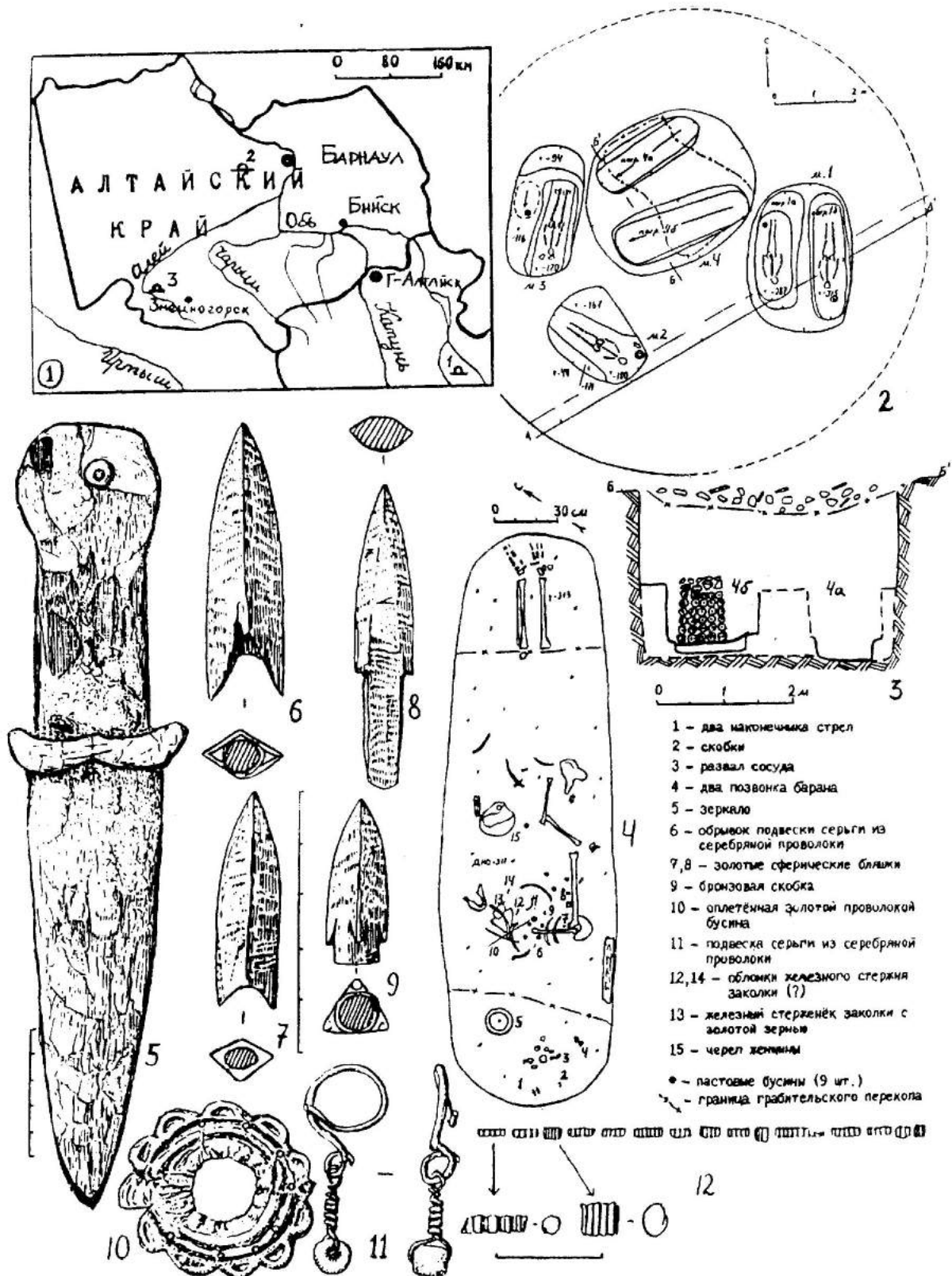

Рис.1

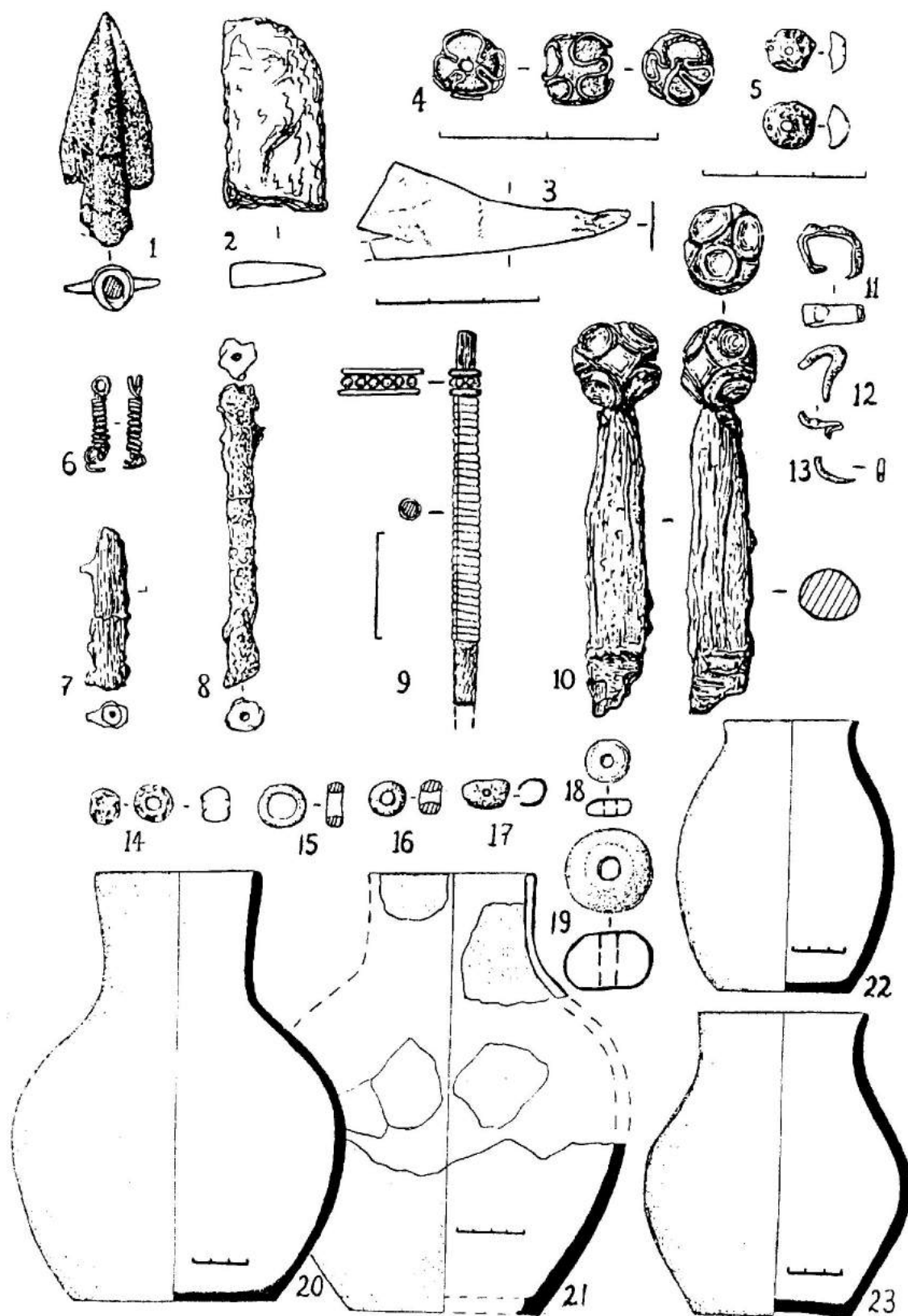

Рис.2

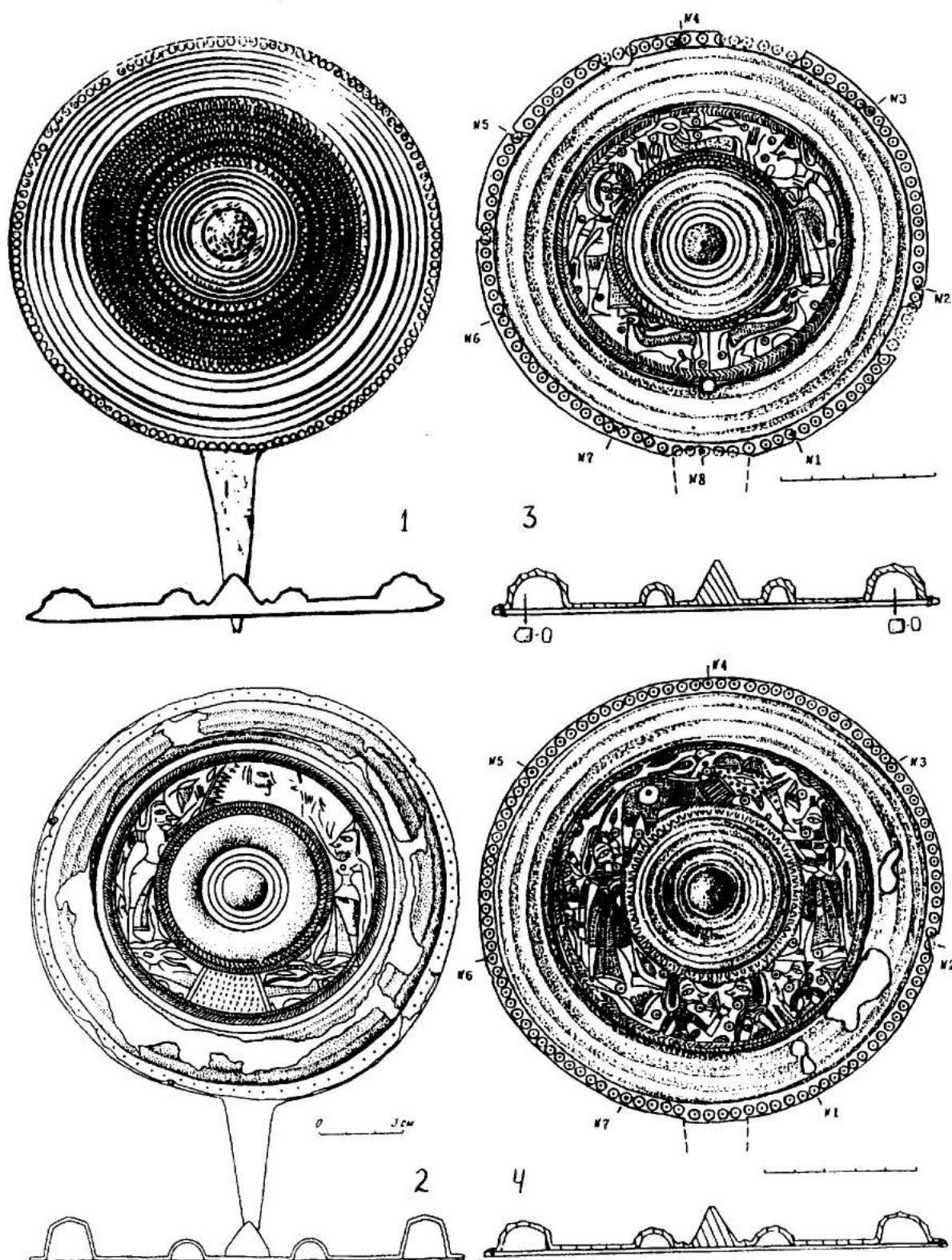

Рис.3

Рис.4